

жением мощи народа, волевым напором, яркой образностью стиха, стилиевой многослойностью, красочностью. Тогда же К. написал несколько небольших поэм («Юность Маяковского», «Максим Горький», «Урал», «Поэма о Каме» и др.), которые не оставили следа в лит-ре. Гораздо более значительными оказались мемуарные книги «Путь энтузиаста» (1931) и «Жизнь с Маяковским» (1940). После удара, случившегося с ним в апр. 1948, поэт последние 13 лет жизни был прикован к постели.

Соч.: Сб. пьес. М., 1925; Избранные стихи. М., 1934; Стихи и поэмы. М.; Л., 1966; Стихи. Поэмы. Пермь, 1981; Жить чудесно! Пермь, 1984; Танго с коровами. Степан Разин. Звучаль веснянки. Путь энтузиаста. М., 1990.

Лит.: Чуковский К. Василий Каменский // Чуковский К. Футуристы. М., 1922; Гусман Б. Василий Каменский // Гусман Б. Сто поэтов. Тверь, 1923; Ефремин А. Василий Каменский // Октябрь. 1933. № 11; Бебутов Г. Без срока давности. Тбилиси, 1979; Паперный З. Единое слово. М., 1983; Гинц С. В. Каменский. Пермь, 1984; Гриханова Г. «Землянка» В. Каменского // Книжное обозрение. 1985. № 29.

А. С. Карпов

КАН Диана Елисеевна [10.5.1964, г. Термез Узбекской ССР] — поэт.

Отец — этнический кореец, кадровый офицер Советской Армии. Мать — русская, с казачьими корнями. В Термезе К. окончила школу, в 1983 семья переехала в Орен-

Д. Е. Кан

бург, тогда же К. начала писать стихи. В 1984–90 училась на ф-те журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, а затем вернулась в Оренбург. Несколько лет работала в газ. «Оренбургская неделя».

Первая книга стихов К. «**Високосная весна**» вышла в Калуге в 1993. В 1994 К. принята в СП России, в 1995 зачислена на Высшие лит. курсы при Лит. ин-те им. А. М. Горького, в семинар Ю. П. Кузнецова. Стих. К. публикуются мн. центральными («Москва», «Наш современник» и др.) и региональными периодическими изданиями России. С 1997 К. живет в г. Новокуйбышевске Самарской обл.

Как художник К.— дитя двух культур. «Мои стихи — это довольно причудливый сплав полярного — православия и мусульманства, Востока и Запада, любви и смерти. Так и никак иначе сложилась судьба. Родилась я и выросла в православной семье — в Средней Азии», — писала К. в предисл. к сб. «**Бактрийский горизонт**» (С. 3). Вместе с тем «не строки, обнажающие темперамент поэтессы, дают право говорить о ее зрелости, а те новые философско-православные интонации, которые появились в ее второй книге и подняли ее поэзию на качественно новый уровень, — подчеркнула критик М. Переяслова. — Вдоволь оттосковав по Востоку („Я выплакала свой Восток, / покорная судьбе, / всей тяжестью гремучих строк, / поющих о тебе“), героиня Дианы Кан стала принимать жизнь такой, какой ее даровал Создатель...» (Переяслова М.— С. 8).

Первая книга К. «**Високосная весна**» представляет драму любви, сотрясающей внутренний мир поэтессы. Языковое многообразие, свобода поэтической речи, мастерски живописуемые коллизии стали своего рода творческим обещанием автора. Заметная цветаевская интонация подчеркивала острый драматизм стихотворного сюжета: «Поутру с причитаньями снимут, / сложат руки на стылой груди, / домотканую простынь накинут... / Стой поодаль! И не подходи. / Не гляди на меня на такую. / От такой невелик тебе прок...» («**Поутру с причитаньями снимут...**», 1993). В «**Високосной весне**» у К. достаточно вольное отношение к православному распорядку, несмотря на, казалось бы, прямые поэтические заявления: «Тебя хранит Аллах. / Меня хранит Христос. / Отсюда на губах / извечный привкус слез» («**Тебя хранит Аллах...**», 1993). Драма любви безоглядно отодвигает все др. приоритеты на периферию жизни.

Вторая книга К. «**Согдиана**» (1998), несмотря на заглавное среднеазиатское обо-

значение всего корпуса стих., содержит властный, идущий от сердечного труда, православный и русский акцент. Миросозерцание автора становится православным по существу, а не по букве: «Золотые отшвырнув окувы, / по миру босое — Боже мой! — / русское заплаканное Слово, / ты идешь с поникшей головой. / ...Бедами болезными твоими / Русь живет и крепнет, не шутя. / Ты у Божьей Матери Марии / тайное любимое дитя» («Слово», 1998). Отношение К. к Русскому Слову, как к тайне и красоте, интонация, проникнутая убежденностью в своей правоте, и наряду с этим отсутствие шумливой легковесности поэтической речи — таковы черты худож. характера поэтессы. Русское и азиатское начала нашли свое место в ее мироощущении: Святая Русь — это дух и сердце, Азия — это душа и плоть. Ключ к такому необычному родству — в понятии «империя». Только в рамках имперского миросознания соседство и взаимопроникновение России и Азии не покажется ложным: «О, Согдиана, родина моя! / Я руку протяну, а ты отпрянешь / и острие дамасского копыя, / обороняясь, в грудь мою направишь» («О Согдиана, родина моя...», 1998); «Все чаще, неизбежней и шальней / ты снишься мне, казацкая фуражка, / степное ржанье яицких коней, / имперский посвист есаульской шашки. / ...Заплакать бы над Родиной навзрыд, / завить сквозь торжество хазарских луков... / Глядит с портрета — плакать не велит / мой дед-казак Андрей Степаныч Струков» («Все чаще, неизбежней и шальней...», 1998). Этническая «родина» у К. пишется со строчной буквы, духовная «Родина» — с прописной: именно так устроен ее худож. и нравственный космос.

В третьей книге «Бактрийский горизонт» (2000) продолжают худож. и духовные искания поэтессы. Она пишет в предисл.: «У археологов, работающих на территории Средней Азии, есть образное выражение — „бактрийский горизонт“, означающее, что искать всегда надо глубже, чем искали до тебя... Мне думается, что понятие „бактрийского горизонта“ применимо не только к археологии, но — к любой человеческой деятельности. Тем более к русской поэзии, которая вообще не терпит поверхностности» (С. 3). В стих. о чудотворной Табынской иконе Божьей Матери, которую взяли с собой в изгнание казаки атамана Дутова, картина скорбного ухода на чужбину русского воинства, потерпевшего поражение на своей земле, кажется написанной с натуры — столь отчетлив словесный рисунок автора: «Табынская икона Божь-

ей Матери, / дожди хлестали Твой пресветлый лик... / Вилась дорога поминальной скатертью, / вела за ледяной Карасарык. / Рубцом легла передовая линия / последней бранной воле вопреки, / где как лампасы яицкие синие, / китайские сияют ледники...» («Табынская икона Божьей Матери...», 1999). Совершенно иная, мягкая, тихая речь в почти домашнем стих. «Власьев день...» (2000): «Власьев день. / Вкушай, Буренушка, / хлеб с крещенской водой... / Пей родимую до донышка. / Слаще нет ее, родной! / Пусть сметанную не доишься / ты, кормилица семьи, / за грехи людские молишься, / злак вкушаешь от земли».

Интонационная широта поэтического голоса К. включает в себя и стихи обостренно гражданского звучания, и исторические реминисценции, и любовную лирику, и сатирический жест, а также фольклорную осеннюю песню, фонетика которой наглядно демонстрирует как сладость русской речи, так и любовное, почти материнское отношение к ней поэтессы: «Осень-несмеянушка ронит крошечные слезыньки. / Золотые-рдяные расплетает косыньки. / Светится опятами и горчит рябиною, / исходя крылатою песней журавлиною» («Осень-несмеянушка...», 2003).

Четвертая книга стих. К. «Подданная русских захолустий» (2003) представила ее творчество как поэтическое явление всероссийского масштаба. В этой книге голосовой и тематический спектр поэтессы представлен во всей своей полноте. Реалии совр. мира взвешиваются художником на весах правды, красоты, совести. Поэтическая эмоция у К. может быть и взрывной, и очень сдержанной, что говорит о внутренней творческой устойчивости и мировоззренческой определенности. Ее отрицание не должно отличается страстностью, категоричностью: «Пусть меж Тигром и Ефратом / вечно соловьи поют. / Нам с тобой туда не надо. / Мы с тобой сгодимся тут. / ...А когда слова умолкнут, / воцарится вновь покой / меж Урал-рекой и Волгой, / меж Днестром и Дон-рекой. / Потому что между речью / выше Господом дана / православному наречью / золотая тишина» («Знай, скрипи своим оралом...», 2002). Предельная степень оскорбленности родового чувства — источник гражданских мотивов в поэзии К. Вместе с тем православие, преображая родовое и осветляя его, не позволяя темной мстительности не только взять верх, но и заявить о себе — и потому даже гневные стихи К. не теряют духовной прозрачности и речевой гармонии.

В стихах К. очень много биографического, а порой и житейского. Очевидна насыщающая ее сердце грусть о несбыточном, которая сближает поэтический голос К. с образом певца, который догадывается о небесном происхождении своей поющей и скорбной души,— в первую очередь с М. Ю. Лермонтовым. Отношения родового и православного в поэзии К. определяются во многом природными свойствами ее поэтического голоса и проживаемой судьбой. Первый, родовой поворот в сознании поэта связан с семьей: «Только сегодня, сейчас! — поняла: / самое женское в мире занятие / хлебные крошки сметать со стола»; «...ни на минуточку не забывать / в мире занятие не менее женское — / детские слезы в подол собирать». Но и сама семья оказывается тем камнем, на котором установится православный душевный строй, когда из глубины женско-материнского начала вымолвится: «...Глажу, словно малых деток по головешкам, / грустным взором золотые купола...»; «В кругу молчаливых монашек, / смилив горделивую грусть, / в букет монастырских ромашек / лицом покаянно уткнусь». По словам В. Ганичева, имя К. «сегодня отражает состояние и уровень духовности нового литературного поколения» (Российский писатель. 2002. № 24. С. 4). К.— лауреат премий ж. «Наш современник» (1998, 2000), Всероссийской лит. премии «Традиция» (2002).

Соч.: Високосная весна. Калуга, 1993; Согдиана. Самара, 1998; Бактрийский горизонт. Самара, 2000; Подданная русских захолустий. Самара, 2003.

Лит.: Переялова М. Ветер с Востока // День лит-ры. 1998. № 2. С. 8; Ардатов А. Я в мире легче ноши не хочу... // Самарские известия. 2002. № 210. 13 окт. С. 2; Чванов М. Всего мира Надежда и Утешение // Гостиный двор. Оренбург, 2003. № 14. С. 184–186; Лютый В. Поручение: Неотмирное в поэзии Дианы Кан // Подъем. 2004. № 3. С. 162–171.

В. Д. Лютый

КАРАВАЕВА Анна Александровна [15(27). 12.1893, Пермь — 21.5.1979, Москва] — прозаик, драматург.

Родилась в семье служащего. В 1911 с медалью окончила гимназию, после чего 2 года работала учительницей в одном из сел под г. Кизел. В 1913–16 училась на историко-филол. ф-те Высших (женских) Бестужевских курсов в Петербурге.

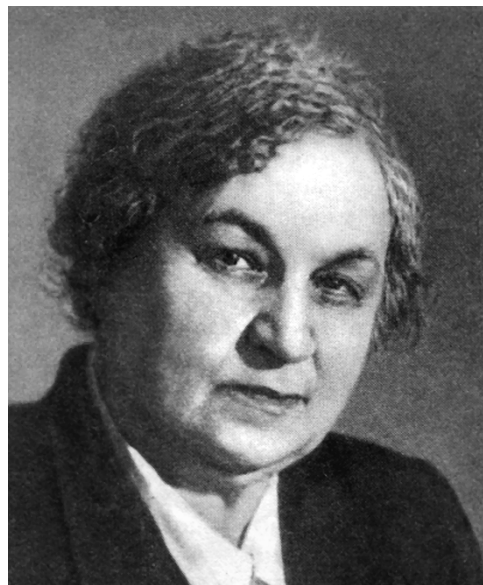
В начале 1920-х К. приехала с мужем, военным комиссаром, в Барнаул, где работала преподавателем в совпартшколе и Единой

трудовой школе. В 1922 вышел первый рассказ К. «Под искрами», в котором повествовалось о борьбе с рабством в Древнем Риме. По мотивам алтайских впечатлений К. издала сб. стихов «Чертополошь» (1923).

В 1920-е К. преимущественно публиковалась в ж. «Сибирские огни» и газ. «Красный Алтай» (рассказы, стихи, очерки и статьи). К.— типичный представитель социалистического реализма в лит-ре. Первые произведения К. в основном посвящены проблеме взаимодействия «старого» и «нового» мира (повесть «Флигель», 1923), жизни советской деревни и нравственным проблемам, возникшим после революции у крестьян (повесть «Двор», 1926; в 1927 по повести снят кинофильм «Красавица Харита»), проблеме социального неравенства в деревне (повесть «Медвежатное», 1926). В 1925 вышла историческая повесть К. «Золотой клюв», в которой речь идет о работе крепостных на золотых приисках во времена Екатерины II (в 1929 по повести был снят одноименный кинофильм), в 1927 — повесть «Берега» и роман «Юность на Грязной».

В 1926 К. стала членом Коммунистической партии. В 1928 переехала в Москву.

Центральным произведением в довоенной прозе К. стал роман «Лесозавод» (1928), в котором рассказывается о возрождении промышленного гос. предприятия, при этом К. акцентирует внимание на благотворном влиянии строительства на быт и психологию крестьян.

А. А. Каравеева